

М. С. ГОРДЕЕВА

Белгородский пединститут

РАСЩЕПЛЕНИЕ ФОРМ ИМЕНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

1. Известно, что колебания в употреблении дублетных форм им. п. мн. на -ы (и-), а (я) стали возможны после исчезновения двойственного числа и широкого распространения, начиная с 16-го столетия, ударного окончания -а в именах существительных мужского рода. Этот процесс продолжается до сего времени и весьма интенсивно¹.

2. Учитывая тот факт, что в языке проявляется один из всеобщих законов диалектики — единство формы и содержания, который обуславливает одинаковое выражение одного и того же содержания и требует адекватности содержания одинаковых форм, наличие двойственных форм на -ы (-и), -а (-я), колебания в их употреблении, а также активизацию форм на -а (-я) следует рассматривать, как борьбу «традиций прошлого с тенденциями будущего»².

3. Необходимость единства формы и содержания в языке породила разнообразные процессы аналогии. Постоянная тенденция к совершенствованию избавляет язык от различного рода излишеств (лексических и грамматических). Стремясь устранить в данном случае грамматическую из-

¹ Наряду с формами на -а(-я) нами учитываются и формы на -ья (-Я- принадлежит основе, окончание -а), которая появилась под влиянием собирательных сущ. среднего рода.

² См.: В. Н. Перетрухин. Аналогия как общий внутренний закон развития языка: Сб. «Краткие очерки по русскому языку. — Материалы 5 научно-методической конференции объединения кафедр русского языка ЦЧЭР». Воронеж, 1964, стр. 6—7.

быточность, язык обобщает указанные формы или дифференцирует их. Отсюда в истории дублетных форм наблюдаются два аналогического процесса — унификация и дифференциация.²

4. Процесс унификации обуславливает устарение и отмирание одной из параллельных форм, при этом удается проследить, в каких случаях происходит унификация.

Устранению одной из форм способствует отсутствие семантической сложности слова (полисемии) и нейтральное по стилю употребление обеих форм. Так, безвозвратно потеряна форма с флексией *-ы (-и)* у таких имен, как *веер, дом, край, корм, колокол, луг, мастер, паспорт, перепел, поезд, снег, хлев* и др., хотя некоторые словари указывают на то, что она существовала у перечисленных слов, но со временем была вытеснена новой формой с окончанием *-а*.

Иногда унификации подвергаются также те формы на *-ы (-и), -а (-я)*, которые различаются только стилем употребления. Например, унифицируются параллельные формы *редакторы* и *редактора, корректоры* и *корректора, флигели* и *флигеля*, представленные во 2-м издании словаря-справочника «Правильность русской речи» Л. П. Крысина, Л. И. Скворцова лишь с окончанием *-а* в им. множ. Сюда же следует отнести унификацию форм *слесаря* и *слесари* (в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова последняя подается как устаревшая), *токаря* и *токари, тополя* и *тополи* (в указ. словаре-справочнике ПРР форма *тополи* дается с пометкой «устар.»).

Таким образом, унификация двойственных форм имен. множ. существительных муж. р. на *-ы (-и), -а (-я)*, являющаяся одним из проявлений общего закона языка—аналогии,³ устраняет противоречия между содержанием и формой, способствуя тем самым совершенствованию языковой системы.

5. Тем же целям служит и другое проявление закона аналогии — процесс дифференциации форм по значению, т. е. их лексикализация, иначе говоря, расщепление грамматических форм на два самостоятельных слова.

Интересующее нас явление уже привлекало внимание

³ В понимании закона аналогии мы придерживаемся взгляда, изложенного в указанной выше статье В. Н. Перетрухина.

исследователей⁴. Не противореча всем тем высказываниям, которые имеются в лингвистической литературе по вопросу лексикализации грамматических форм, мы рассматриваем этот процесс как проявление закона аналогии.

Исходным моментом дифференциации в некоторых случаях является широкое распространение флексии -а и, как результат, возникновение дублетных форм на -ы (-и), -а (-я). Об этом писал А. И. Томсон: «Дифференциация реальных значений может произойти в связи с различием в одних только формальных принадлежностях, в том числе и флективных».⁵

Известно, что лексикализация связана с распадом полисемии. Отдельные значения многозначного слова с течением времени по той или иной причине утрачивают взаимную мотивированность и обособляются, существуя вначале как лексико-семантические варианты слова, не разрушающие его тождества. Нередко процесс размежевания значений продолжается до тех пор, пока какая-либо семантическая связь нарушается окончательно или ослабляется. Тогда лексико-семантические варианты уже воспринимаются как самостоятельные лексические единицы.

Потребность более четкого разграничения лексических значений слова и обуславливает использование существующих параллельных форм на -ы(-и), -а(-я). При этом одни обособляющиеся значения реализуются в форме с флексией -ы(-и), другие — в форме с окончанием -а(-я), третьи — в форме на -ья, т. е. здесь «происходит обособление не только в лексическом значении, но и в способе образования некоторых грамматических форм»⁶.

Процесс расщепления форм имен. множ. имен существительных мужского рода приводит к двум явлениям: к образованию существительных *pluralia tantum* и к образованию частичных омонимов.

⁴ См. А. И. Томсон. Общее языкознание, 2-е изд. Одесса, 1910. стр. 349—350. И. Пете. Случай лексикализации в русском языке. РЯШ, 1958, №3, стр. 1—6; Р. С. Манучарян. Существительные *pluralia tantum* и пути их образования в русском литературном языке. — Автореферат кандидатской диссертации. М., 1960; Л. А. Новиков. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. — Автореферат кандидатской диссертации. М., 1961.

⁵ См. Указ. соч., стр. 349.

⁶ См. И. Пете. Указ. соч., стр. 3.

Именно лексико-грамматическим обособлением форм множ. чис. объясняется образование следующих слов: *весы* (прибор), ср. в просторечии *веса* (тяжесть тела); *коренья* «приправа», ср. *корни* (деревьев); *леса* «вспомогательное сооружение», ср. *леса* от «лес»). В последнем случае сохранилась лишь одна форма имен. множ., поэтому произошла только лексикализация в значении. Особое положение занимает существительное *бега*. В отличие от приведенных имен *pluralia tantum* этой лексикализованной форме множ. чис. «противостоит форма един. чис., лишенная лексически однозначной формы множественности»⁷. Л. А. Новиков справедливо считает, что подобные существительные *pluralia tantum* возникают в результате лексикализации форм, получающих значение, отличное от значения простой множественности, иначе говоря, лексикализованные формы полностью утрачивают грамматические значения числа⁸. В нашем примере сущ. *весы*, *бега*, *леса* имели когда-то грамматическое значение простой множественности (сущ.-е *vesy*, *beга* употреблялись и в един. чис.: *вес* «весы, безмен», *бег* «ристалище, место состязаний»⁸). Сейчас эти формы потеряли категорию считаемости, следовательно, можно говорить об образовании новых лексических единиц. Однако наши словари не всегда фиксируют возникновение самостоятельного слова данного типа. Так, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и 4-томный «Словарь русского языка» считают самостоятельным слово *весы*, лексико-семантическим вариантом слова *бега*, хотя есть все основания вычленить эту форму из состава многозначного слова. Различные места в словарях занимают остальные сущ.-е *pluralia tantum*: *леса*, *счеты* и *коренья*. Первые два в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова отражены как варианты многозначного слова, а в «Словаре русского языка» — как самостоятельные слова, что вполне правомерно⁹. И наоборот, *коренья* в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова выделено в самостоятельное слово, а в «Словаре русского языка» рассматривается как лексический вариант многознач-

⁷ Р. С. Манучарян. Указ. соч., стр. 15:

⁸ Л. А. Новиков. Указ. соч., стр. 5.

⁹ См. высказывание А. И. Смирницкого относительно того, что омонимия развивается «не только при утрате смысловой связи форм, но и всего лишь при ослаблении ее». Лексическое и грамматическое в слове. Сб. «Вопросы грамматического строя». М., стр. 31.

ного слова. Очевидна некоторая непоследовательность составителей «Словаря русского языка»: вряд ли семантическая связь между формами *коренья* и *корни* более тесная, чем между *счеты* и *счета*. И в том и другом примере наблюдается расхождение в значении, и это дает возможность *коренья* и *корни* считать самостоятельными словами. Итак, нашими словарями зафиксировано образование путем расщепления таких имен существительных: *весы*, *коренья*, *леса*, *счеты*. Сюда же следует отнести и расщепление форм *соболи* «зверь» и *соболя* «мех соболя», *провода* электрич. и *провода* (кого-либо).

Гораздо ярче проявляется дифференциация дуплетных форм, приводящая к возникновению гомогенных частичных омонимов. Однако и здесь не всегда с уверенностью можно говорить о распаде многозначности и образовании новых лексических единиц, т. к. «наряду со случаями очевидного обособления форм множ. чис. наблюдается много переходного»¹⁰, что в значительной степени подтверждается противоречивыми показаниями словарей. В связи с этим мы выделяем следующие две группы: 1) формы, дифференцированные по значению (лексикализация закончена), и 2) формы, находящиеся на пути к окончательной дифференциации. Внутри первой группы рассматриваются: а) формы, зафиксированные как гомогенные частичные омонимы во всех словарях русского языка¹¹ и б) формы, зафиксированные как частичные омонимы лишь в отдельных словарях (или в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, или в словаре-справочнике «Правильность русской речи»).

Формы, дифференцированные по значению

а) Формы, зафиксированные как гомогенные частичные омонимы во всех словарях:

Мехи «приспособление для нагнетания воздуха» и *меха* «выделанные кожи»; *образы* «художественные типы» и об-

¹⁰ См.: Р. С. Манучарян. Указ. со., стр. 15:

¹¹ Нами проанализированы следующие словари: «Словарь русского литературного языка», «Словарь русского языка», «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (изд.), «Словарь языка Пушкина», «Правильность русской речи. Словарь-справочник» Л. П. Крыгина, Л. И. Скворцова (2-изд.), «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро.

раза «иконы»; поводы «побуждения» и поводья, поводка «ремень для управления лошадей»; полозья «неядовитые змеи семейства ужей» и полозья «часть саней, скользящие брусья»; токи «движение электронов» и тока «места для молотьбы», тока «места, где токует птицы»; цветы «то же, что и цветок» и цвета «световой тон, окраска».

б) Формы, зафиксированные как частичные омонимы лишь в отдельных словарях:

Боровы «кастрированные самцы» и борова «горизонтальные части дымохода» (Сл. Ожег); кондуктора «служащие транспорта» и кондукторы «детали машины» (Сл. Ожег.); корпуса «туловища» и корпуса «здания», корпуса «крупные войсковые соединения», корпуса «военно-учебные заведения, царской России» (Сл. Ожег.); кузовы «корпусы повозки» и кузова «коробы из лыка или бересты» (Сл. Ожег.); лагеря «группировки» и лагеря «военные или пионерские сборы» (ПРР); листы «16 страниц печатного текста» и листья «растений» (Сл. Ожег.); ордены «монашеские или рыцарские общины» и ордена «знаки отличия» (Сл. Ожег. и ПРР); ордеры «в архитектуре» и ордера «документы» (ПРР); поясы «части поверхности земного шара между двумя меридианами» и пояса «шнур для завязывания одежды по талии», (Сл. Ожег.); учителя «основоположники учения, вожди» и учителя «преподаватели» (ПРР); юнкеры «германские помещики» и юнкера «военные» (Сл. Ожег.).

Формы, находящиеся на пути к окончательной дифференциации:

Зубы «костные образования» и зубья «острые выступы»; колы «единицы» и колья «короткие шесты с заостренным концом»; крюки «лишние расстояния» и крючья «гвозди с загибом на тупом конце»; мужи «общественные деятели» и мужья «женатые мужчины»; пруты «в технической терминологии» и прутья «ветки без листьев»; пропуски «опущенные части текста, случаи неявки, просмотры» и пропуска «документы»; промыслы «добыча ч. либо» и промысла «промышленные предприятия»; тоны «музыкальные звуки» и тона «оттенки цвета»; тормозы «препятствия, помехи» и тормоза «приспособления для остановки движения»; хлебы «пищевые продукты, выпекаемые из муки» и хлеба «зерновые культуры»; ходы «перемещение, движе-

ние» и *хода* «расстояние между передней и задней осью повозки».

Совершенно очевидно, что такие пары, как *боровы* и *борова*, *кондукторы* и *кондуктора*, *кузовы* и *кузова*, *листы* и *листья*, *ордены* и *ордена*, *ордеры* и *ордера*, *юнкеры* и *юнкера* лишь по недоразумению включены в некоторые словари как лексические варианты многозначного слова. С меньшей категоричностью можно говорить о том же самом в отношении форм *корпусы* и *корпуса*, *лагери* и *лагеря*, *учители* и *учителя*, хотя и здесь есть основания считать эти формы разными словами.

Среди форм, не зафиксированных словарями в качестве самостоятельных слов, выделяются те, семантическое размежевание которых в настоящее время закончено. Это: *колы* и *колья*, *зубы* и *зубья*, *крюки* и *крючья*, *пропуски* и *пропуска*, *тоны* и *тона*, *ходы* и *хода*.

По аналогии с существующими случаями расщепления параллельных форм варианты многозначного слова, имеющие дублетные формы, потеряв семантическую связь, обособляются. Такова судьба форм *хлебы* и *хлеба*, *тормозы* и *тормоза*, *промыслы* и *промысла* и т. п.

Таким образом, в результате дифференциации параллельных форм возникает один из любопытнейших способов словообразования.

6. Взаимодействием двух аналогических процессов — унификации и дифференциации — объясняется сложность и противоречивость в употреблении дублетных форм имен. п. множ. ч. существительных мужского рода. Как только возникают двойственные формы, язык стремится «полезно» использовать их в различных планах: для дифференциации значений, для стилистической характеристики. Если же формы не разграничены ни по значению, ни по стилю употребления, они унифицируются и одна из форм отмирает.